

Научная статья

УДК 378.014.25(470+510)

EDN LVRFBE

DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).205-231

Модели национальной политики России и Китая: сравнительная характеристика

А.М. Курышов

Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

И.В. Курышова

Иркутский национальный
исследовательский технический
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

30.06.2025

Дата принятия к печати:

12.08.2025

Дата онлайн-размещения:

29.08.2025

Аннотация. В статье рассматриваются современные модели национальной политики России и Китая с целью выявления их общих черт и различий с позиций системного подхода. Национальная политика рассматривается как динамическая система, функцией которой выступает консолидация политической нации. Элементами системы национальной политики являются ее направления (соотносимые со сферами общественной жизни) — социально-экономическое (реализация экономических интересов народов на основе учета их традиционных форм хозяйствования и опыта трудовой деятельности в увязке со стратегическими целями государства в сфере экономики), социокультурное (защита духовно-культурных особенностей и ценностных установок народов в условиях дружбы народов), социально-политическое (обеспечение правовых и организационных предпосылок всестороннего развития народов в условиях политического единства), — представленные, в свою очередь, совокупностями конкретных государственных мероприятий. Связями, определяющими структуру системы, являются отношения взаимозависимости между ее элементами (т.е. направлениями). Подчеркивается, что наряду с внутрисистемными связями существуют и связи межсистемные, посредством которых национальная политика, выступающая уже как подсистема системы государственной политики, взаимодействует с иными ее подсистемами. Анализу подвергаются именно эти межсистемные связи, важнейшие из которых — «триада» идеологии, национально-территориального управления и ресурсного обеспечения. Констатируется зависимость особенностей указанных межсистемных связей от процесса их формирования, т.е. от конкретного исторического и географического контекста. Сделан вывод о том, что модели национальной политики КНР и России имеют больше различий, нежели сходств. Проблемные точки, связанные с «триадой», есть и у китайской модели (главным образом — в сфере национально-территориального управления), и у российской (прежде всего — в сфере идеологии). Взаимный учет опыта выстраивания национальной политики позволит Китаю и России преодолеть трудности, возникающие в процессе формирования национального единства.

Ключевые слова. Российская Федерация, Китайская Народная Республика, национальная политика, системный подход, национальное единство, политическая нация.

科学文章

俄罗斯与中国的国家政策模式：比较分析

A.M. Kuryshov贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦**I.V. Kuryshova**伊尔库茨克国立理工大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦结稿日期: 2025年06月30日
出版日期: 2025年08月12日
网上出版日期: 2025年08月29日

摘要: 本文从系统方法的角度出发, 探讨了俄罗斯和中国当前的国家政策模式, 旨在揭示其共同点与差异。国家政策被视为一个动态系统, 其功能在于巩固政治民族。国家政策体系的要素包括其方向(与社会生活领域相对应)——社会经济方向(在考虑各民族传统经济形式和劳动经验的基础上, 实现各民族的经济利益, 并与国家在经济领域的战略目标相协调), 社会文化方向(在民族友好条件下保护民族的精神文化特色和价值观念), 社会政治方向(在政治统一条件下确保民族全面发展的法律和组织前提), 这些方向又由一系列具体的国家措施构成。决定系统结构的联系是其要素(即方向)之间的相互依存关系。强调指出, 除了系统内部的联系外, 还存在系统之间的联系, 通过这些联系, 作为国家政策子系统的国家政策与该系统的其他子系统相互作用。本文分析的正是这些跨系统联系, 其中最重要的联系是“三元组”——意识形态、民族领土管理和资源保障。指出这些跨系统联系的特点取决于其形成过程, 即具体的历史和地理背景。得出结论: 中国和俄罗斯的民族政策模式差异大于相似性。与中国模式(主要体现在民族-领土管理领域)和俄罗斯模式(主要体现在意识形态领域)相关的“三元组”问题均存在。相互借鉴国家政策构建的经验, 将有助于中俄两国克服民族团结建设过程中出现的困难。

关键词: 俄罗斯联邦, 中华人民共和国, 国家政策, 系统方法, 民族团结, 政治民族。

Original article

The Models of National Policy in Russia and China: Comparative Characteristics

A.M. KuryshovBaikal State University,
Irkutsk, Russian Federation**I.V. Kuryshova**Irkutsk National Research Technical
University,
Irkutsk, Russian FederationReceived: 2025 June 30
Accepted: 2025 August 12
Available online: 2025 August 29

Abstract. The article examines modern models of national policy in Russia and China in order to identify their common features and differences from the standpoint of a systems approach. National policy is considered as a dynamic system, the function of which is the consolidation of the political nation. Elements of the national policy system are its directions (correlated with the spheres of public life) – socio-economic (implementation of economic interests of peoples based on their traditional forms of management and labor experience in conjunction with the strategic goals of the state in the economic sphere), socio-cultural (protection of spiritual and cultural characteristics and value systems of peoples in the context of friendship of peoples), socio-political (ensuring legal and organizational prerequisites for the comprehensive development of peoples in the context of political unity), – represented, in turn, by sets of specific state measures. The connections that determine the structure of the system are the relations of interdependence between its elements (i.e. directions). It is emphasized that along with intra-systemic connections there are also inter-systemic connections, through which national policy, acting as a subsystem of the state policy system, interacts with its other subsystems. It is these inter-systemic connections that are analyzed, the most important of which are the "triad" of ideology, national-territorial governance and resource provision. It is stated that the characteristics of these

inter-systemic connections depend on the process of their formation, i.e. on the specific historical and geographical context. It is concluded that the models of national policy of the PRC and Russia have more differences than similarities. Problem points associated with the "triad" are present both in the Chinese model (mainly in the sphere of national-territorial governance) and in the Russian model (primarily in the sphere of ideology). Mutual consideration of the experience of building national policy will allow China and Russia to overcome the difficulties that arise in the process of forming national unity.

Keywords. Russian Federation, People's Republic of China, national policy, systemic approach, national unity, political nation.

Введение

Национальная политика (в «узком смысле» политика властей в сфере отношений между национальными общностями государства) для многонациональных стран — ключевой вопрос, от решения которого зависит не просто политическая стабильность и успешность экономического развития державы и, но и само ее существование. Примеров того, как недалёковидная национальная политика центральных властей становилась одним из главных, и то и основным фактором политического распада государства, в истории можно найти немало, в том числе — и в новейшей (распад СССР, Югославии, Судана, Эфиопии, фактический распад Сомали и Ливии, «полураспад» Мали, Мьянмы, Сирии, Демократической Республики Конго). В каждом конкретном случае одни и те же факторы действуют специфически, и сравнивать распад СССР — государства, органически сложившегося на территориальной основе Российской империи — и, например, бывших африканских и азиатских колоний европейских стран, территории которых сложились искусственно, не совсем корректно. Однако факт того, что качественная национальная политика в современных условиях есть один из столпов сбалансированного развития, как представляется, не подлежит сомнению.

Даже так называемые «развитые страны» не свободны от национальных проблем, являющихся истоком сепаратизма и грозящих стать причиной политического распада (Шотландия и Северная Ирландия в Соединённом Королевстве, Каталония и Страна Басков в Испании, Бретань во Франции, Квебек в Канаде). Но если там национальные проблемы купированы «демократическими» процедурами и, по крайней мере, не подпитываются извне, то в государствах, которые по тем или иным причинам рассматриваются «просвещённым» Западом как конкуренты или «изгои», таковые усиливаются, а иногда и

генерируются стараниями «партнёров», несущих в эти государства «демократию» и «общечеловеческие ценности». Это — главное обстоятельство, которым обусловлена актуальность проблемы, вынесенной в заголовок настоящей статьи: и Китай (Китайская Народная Республика), и Россия (Российская Федерация), выступая в авангарде переустройства мировой системы международных отношений с формата «однополярного» в формат полицентричный (первый — как конкурент Западу экономический, вторая — как конкурент военно-политический), испытывают давление с его стороны по линии «национального вопроса», и от того, какими являются их ответы на этот вызов, во многом зависит и их персональная судьба, и судьба идеи «многополярного мира» в целом. Разыгрывая карту роста нестабильности и организации политического кризиса через обострение национальных проблем в России и Китае («чеченский» и иные северокавказские, «татарский», «башкирский» и другие «вопросы» в России, «уйгурский», «тибетский» и прочие «вопросы» в Китае), западные «партнёры» стремятся, во-первых, переключить внимание конкурентов с внешних на внутренние проблемы, а во-вторых (в идеале), — добиться уничтожения их как конкурентов путем ослабления, которое неизбежно произойдет, если сепаратистские устремления будут реализованы на территориально-политическом уровне. Национальные политики России и Китая обнаруживают немало общих черт, но имеются и различия. Какая из моделей национальной политики более эффективна — покажет, время, но дать им оценку можно и нужно уже сейчас.

Мы предлагаем сравнить не национальные политики Китая и России, а их модели, т.е. умозрительные конструкции, которые отражают реальность в том смысле, что позволяют увидеть главное за множеством фактов, что необходимо для выявления основных проблем и

формулирования предложений по поиску путей их решения. Для анализа национальной политики предпочтительнее применение метода моделирования потому, что оно позволяет использовать системный подход, т.е., во-первых, выявлять и рассматривать в первую очередь связи между фактами, а не только их сами по себе, во-вторых, видеть системообразующие признаки и, в конечном счете, цели (в нашем случае — национальной политики), на основе анализа которых уже можно делать выводы об эффективности таковой.

В силу своей актуальности тема национальной политики в современном отечественном научном дискурсе очень популярна. Корпус исследователей, изучающих национальную политику Китая и России, включает ученых, представляющих самые различные области гуманитарной науки — историков, философов, этнологов, социологов, политологов, экономистов, специалистов по международным отношениям. В силу специфики обозначенной в заголовке темы нас интересовали взгляды тех экспертов, которые так или иначе при рассмотрении национальной политики России и Китая обращались именно к моделированию как одному из основных методов рассмотрения проблемы.

Моделирование государственной политики России в целом — метод исследования политических реалий Российской Федерации, применяемый в трудах Д.Ю. Знаменского [1; 2]. Непосредственно формулированием особенностей модели национальной политики России занимается Л.В. Савинов [3–6], обращался он и к практике китайской национальной политики [7]. Крупнейшим специалистом является академик В. А. Тишков, который в своих трудах, посвященных концептуальным основам национальной политики России обращался и к ее моделированию, в том числе — в сравнении с Китаем [8–12]. Основные принципы и виды реализации национальной политики в многонациональных государствах анализировали П.С. Селезнев и И.А. Шалаев [13]. К моделированию национальной политики России в своих этносоциологических работах обращался Ю.В. Попков [14–20]. Значительный вклад в разработку темы внесли М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова и другие авторы — представители новосибирской школы этнокультурных исследований, изучавшие региональные модели государственной национальной политики современной России [21]. В контексте применения метода моделирования для характеристики национальной политики

России нельзя не упомянуть труды другого авторитетного специалиста — В.Ю. Зорина, прежде всего — в аспекте практического применения концептуальных основ, исследованных в теоретических моделях [22–25]. Идеальные типы (т.е. модели) национальной политики как управленческой деятельности были сконструированы Ю.Г. Волковым, Г.С. Денисовой и А.В. Лубским [26–28], которые в своих работах обращались и к специфике китайской национальной политики [29]. Китайская модель национальной политики становилась предметом исследования отечественных специалистов гораздо реже. Упомянем А. В. Виноградова, который в рамках изучения китайской модели модернизации обращался и к национальной политике КНР [30; 31], отдельные работы С.В. Бирюкова и Т.П. Шикера [32], Д.С. Беляева и Д.А. Федулеевой [33].

Перечисленными авторами перечень исследователей, обращавшихся так или иначе к моделированию национальной политики России и Китая, конечно, не ограничивается. Однако позволить составить общее представление о научном дискурсе предметного поля представленные работы вполне могут. И представление это заключается в следующем:

Во-первых, в большей части исследований под моделью национальной политики подразумевается простой набор государственных мероприятий, проводимых в сфере межнациональных отношений, иногда объединяемый авторами в отдельные направления национальной политики. Характеристика даже комплекса мероприятий, проводимых в рамках национальной политики, не дает представление о ее сущности.

Во-вторых, если все же (в редких и лучших случаях, которые почти все ограничиваются работами перечисленных выше авторов) под моделью национальной политики понимается не просто совокупность государственных мероприятий, а в первую очередь совокупность специфических принципов (т.е. правил реализации национальной политики), то и тогда эти принципы выделяются по самым разнообразным основаниям, зачастую — у одних и тех же авторов.

Успешными можно считать такие попытки выделения моделей национальной политики, которые имеют более или менее четкие основания классификации. На наш взгляд, самый удачный пример — концепция Л.В. Савинова. «Весь спектр моделей государственной национальной политики можно классифицировать по четырем основаниям: политическим, социальным, культурным и объектным» [6, с. 12; 3]), в

корне этих оснований — «подходы в реализации национальной политики», в ходе анализа которых можно выделить четыре пары противоположных моделей: авторитарная и либеральная (признак — управленческая практика реализации государственных мероприятий), патерналистская и субсидиарная (признак — степень участия «низовых» акторов национальной политики в ее осуществлении), монокультурная и поликультурная (признак — количество транслируемых центром при реализации национальной политики комплексов ценностных установок), антропоцентричная и группоцентричная (признак — объект национальной политики — отдельный человек или этно-социальная группа). Сочетание четырех «малых» моделей дает «большую» модель — собственно модель национальной политики того или иного государства на том или ином этапе развития. Модели, предлагаемые Ю.Г. Волковым, Г.С. Денисовой и А.В. Лубским — «административная» и «коммуникационная», — основаны на форме «институциональных практик» — «принуждения» или «солидарности» [26, с. 14]. По сути — это то же, что и «патерналистская» и «субсидиарная» модели Л.В. Савинова. С.В. Бирюков и Т.П. Шикер отталкиваются от известной концепции «ассимиляционной» и «интеграционной» моделей, основанием их выделения является способ формирования «политической нации» [32, с. 147]. Эти модели близки (хотя формально и не тождественны) паре моделей, выделяемых Л.В. Савиновым — «монокультурной» и «поликультурной». Таким образом, концепция Л.В. Савинова вобрала в себя, вероятно, большую часть вариантов классификаций моделей национальной политики, разрабатываемых отечественными исследователями. Однако и эта концепция, на наш взгляд, не учитывает некоторые ключевые моменты, связанные с национальной политикой. Разработанная в русле идеи новосибирских ученых о региональных моделях национальной политики [19, с. 25], которая бы учитывала местную специфику, а главное — опиралась бы на диалог центра и окраин в лице ее этносоциальных общностей, она заставляет подвергать ревизии не только постулат В.А. Тишкова об этнической идентификации как едва ли не единственной характеристики этноса (это постулат совершенно справедливо критикует Ю.В. Попков [15, с. 21–22; 17, с. 256–259], а Л.В. Савинов противоречие между «этничностью» и «этностом» как раз пытается сгладить), но и определяющую роль политического центра государства в процессе

консолидации политической нации. Эта определяющая роль не может быть, на наш взгляд, умалена, если национальную политику рассматривать как систему, — именно центральная государственная власть является источником генерации системообразующих факторов. Все основания выделения моделей национальной политики связаны с интерпретацией методов ее проведения, а не сущностных характеристик. Поэтому мы предлагаем рассматривать модели национальной политики несколько в ином ключе (при этом принимая важнейшие выводы новосибирской этносоциологической школы как аксиомы: 1) этносоциальные группы («этносты» советской науки 1970–1980-х гг. и российской науки 1990-х гг.) объективно существуют, независимо от самоидентификации конкретных индивидов; 2) «культурные нации» как сообщества близких «этностов» объективно существуют, и вот здесь самоидентификация уже имеет важнейшее значение, как и в случае с «политической нацией» (населением конкретного государства). Вопрос о том, как триада «этносоциальная группа — культурная нация — политическая нация», вокруг которой идут споры, соотносится с принятой в советской науке триадой «племя-народность-нация» пока оставим за скобками. Но лучше всего эту триаду иллюстрируют приписываемые Расулу Гамзатову слова: «В Дагестане — я аварец, в России — дагестанец, а за границей — я русский» (аварец — «этнос», дагестанец — национальность (или «культурная нация») (поскольку Дагестан — это государственное образование, национальная республика), русский (как гражданин России (или СССР?)) — нация (или «политическая нация»)).

Методология

Предварить разговор о моделях национальной политики необходимо определением основного понятия — собственно «национальной политики». Обычно она идентифицируется как комплекс (совокупность) государственных мер, проводимых властями в отношении народов (этнических групп), точнее — в отношении взаимодействия между этими этническими группами. Однако это — крайне упрощенное понимание «национальной политики». Характеризуя «национальную политику» как систему, нужно исходить не из предмета, к которому применяются меры, а из цели этих мер, т.е. из функции национальной политики как системы. Функция эта — консолидация нации (т.е. всего населения государства) перед лицом внешних вызовов,

достижение такого внутреннего состояния государства, когда все его граждане, независимо от своего социального статуса (в том числе — этнически окрашенного) выступают совместно, как единое целое, в международных вопросах. Например, в случае военного конфликта с другим государством, население которого включает представителей той же этнической группы, что и население государства искомого, этническая или культурно-национальная самоидентификация перестает играть значимую роль. Таким образом, «национальная политика» — это совокупность государственных мер, имеющая целью сплочение нации (понимаемой как население государства в целом, политическая нация (в отличие от «культурной нации»). Важно, что консолидация нации, понимаемая широко, имеет не только этническую, но и социально-экономическую основу, предполагающую социальное равенство (классовое равенство, равенство перед законом, отсутствие ярко выраженной дифференциации доходов и т.п.). Поэтому применительно к консолидации нации, понимаемой узко — как консолидации этнических групп, населяющих государство, — корректнее использовать несколько эмоционально окрашенную, но довольно четкую и интуитивно понятную дефиницию «национальное единство».

Для разрешения напрашивающегося противоречия между целью национальной политики — достижения состояния национального единства, формирования политической нации — и реалий национальной политики (которая в современных условиях, как правило, характеризуется государственной поддержкой этнического разнообразия) предлагается различать стратегию и тактику национальной политики. Стратегия национальной политики определяется ее целью, а тактика — конкретными задачами. Эти задачи не обязательно должны включать стирание граней между этническими группами или «культурными нациями». Например, советский вариант национальной политики в том числе исходил из принципа, согласно которому предоставление отдельным народам государственной (а не только культурной) автономии (т.е. «права на самоопределение», вплоть до отделения) — как раз условие политического единства: «С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение уменьшает опасность “распада государства”» [34, с. 285]. Национальное единство может достигаться различными способами, в том числе — поддержкой этнического своеобразия, и именно эта поддержка

будет обеспечивать единство разных народов в условиях внешних вызовов. Здесь ключевую роль играют конкретные условия в каждом конкретном случае. Важно, что национальное единство — это не обязательно превращение одной из «культурных наций» в «нацию политическую» (т.е. ассимиляция) или возникновение в результате слияния «культурных наций» и «этносов» новой «политической нации» (т.е. интеграция), это именно состояние единства населения одного государства перед вызовами со стороны других государств. Оно имеет важнейшее значение в условиях конкуренции на международной арене, но не будет срабатывать при возникновении конфликтных ситуаций внутри государства. А эти ситуации — внутригосударственные социальные конфликты — неизбежны, если неравенство социальное будет сохраняться. Вот почему в условиях внутреннего социального равенства государственной власти нет смысла искусственно формировать новую «нацию», и вот почему это необходимо государству, в котором социальное неравенство есть данность — ему важно свести национальное единство только к национальной самоидентификации — «всячески поддерживать первичную ценность страновой идентификации в наборе личностных и коллективных ориентаций» [8, с. 20], «есть базовая идентичность. Речь идет как раз об общероссийской гражданской идентичности» [24, с. 15].

Итак, функцией национальной политики как системы является достижение национального единства, сплочение политической нации. «Низовыми», неделимыми, первичными элементами системы выступают государственные меры, направленные на достижение указанной цели. Первичные элементы объединяются причинно-следственными связями друг с другом, составляя подсистемы системы национальной политики по признаку сферы общественной жизни: комплексы мер социально-экономической, культурной, управленческой (организационной и правовой) направленности [35, с. 34]. Связи между указанными подсистемами определяются конкретными задачами национальной политики, например, задача профилактики межэтнических конфликтов или разрешения возникших конфликтов требует правового обеспечения и создания организационного механизма реализации предпринимаемых мер (в управленческой подсистеме), финансирования этих мер (в экономической подсистеме) и соответствующего пропагандистского и культурного сопровождения (в духовной подсистеме).

Эти связи для национальной политики в целом являются внутрисистемными. Однако поскольку национальная политика (как часть внутренней политики государства) — система открытая, задачи — более высокого порядка — могут и должны формулироваться и извне. Например, задача профилактики межэтнических конфликтов является частью более широкой задачи поддержания межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений и обеспечения внутренней политической стабильности в государстве. Эта задача входит в сферу внутренней политики, направленной на предотвращение экстремизма, поддержание правопорядка и социально-политической стабильности в многонациональном обществе¹. И она в том числе определяет межсистемные связи — между национальной политикой как подсистемой государственной политики и иными ее подсистемами. Внешнее влияние (по отношению к системе национальной политики) необходимо, иначе будет потеряна возможность корреляции национальной политики и постоянно изменяющихся условий среды.

Таким образом, выстраивается иерархия связей и задач, их определяющих: 1) первичные элементы (конкретные государственные мероприятия, составляющие содержание национальной политики) связаны друг с другом по сферам общественной жизни, что должно приводить к решению конкретных задач в той или иной сфере; 2) вторичные элементы — комплексы мероприятий по сферам общественной жизни — связаны друг с другом для решения задач более высокого порядка (в России они определяются Стратегией государственной национальной политики), и вместе они — вторичные элементы и связи между ними — и составляют систему национальной политики; 3) национальная политика — уже как элемент системы государственной политики — связана с другими ее подсистемами для решения общенациональных задач — задач, конечно, сохранения (т.е. безопасности) и развития.

Среди этих последних связей есть те, которые не только соединяют национальную политику с другими подсистемами государственной политики, но и проходят «сквозь» нее. С точки зрения наблюдателя внутри системы национальной политики, это те внутрисистемные связи, которые, пронизывая все три комплекса государствен-

ных мероприятий, выходят за пределы системы. С точки зрения внешнего по отношению к национальной политике наблюдателя это те межсистемные связи, которые соединяют национальную политику со всеми другими подсистемами государственной политики. Что это за подсистемы — зависит от подхода, а единого мнения насчет того, из каких частей состоит государственная политика, наука не выработала [36, с. 52]. Ясно одно — успешность национальной политики подразумевает ее понятийное отделение из других «политик».

Государственная политика как система может классифицироваться по разным основаниям, и в рамках такой классификации выделяют различные подсистемы или виды политики. Иногда национальная политика выделяется в ряду других социальных политик (молодежной, трудовой занятости, демографической, здравоохранительной, пенсионной и др.), а те, в свою очередь — в комплексе с различными экономическими политиками и политиками безопасности по признаку «сферы и объекта целеполагания, планирования и регулирующего воздействия» [там же, с. 51–52]. Действительно, национальная политика регулирует «межэтнические» и/или «межнациональные» отношения, шире — национальные вопросы, а этническая (национальная) идентификация — это характеристика социальная. Практически постоянно подтверждается, что эта характеристика не равнозначна возрастному, половому, профессиональному статусам. Подобными по значению своему являются статусы классовый и религиозный, хотя есть мнение, что они все же вторичны по отношению к этносу [37, с. 25]. Будем отталкиваться от тезиса о том, что национальная политика все же может быть выделена как часть социальной политики наряду с политиками конфессиональной и классовой, и в этом качестве она, как и классовая и конфессиональная политики, занимает промежуточное положение между политиками государства в отношении экономики, культуры, системы управления и безопасности. Таким образом, упомянутые выше межсистемные связи, соединяющие национальную политику с другими подсистемами государственной политики — это связи между национальной политикой, конфессиональной политикой и классовой политикой. Что же это за связи?

Во-первых, решение задач национальной (и конфессиональной, и классовой) политики требует наличия государственной идеологии. Идеология необходима, чтобы оправдать настоящее,

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Совет Безопасности Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/>

апеллируя к прошлому и формулируя цели будущего. Только она их связывает, порождая смысл существования и стремления к развитию. Идеология — это дух национальной политики, выражение ее ценностных ориентиров. В отношении «национального вопроса» идеология может принимать, по сути, две формы — интернационализм или национализм. Первый признает полное равенство всех народов, независимо от их численности и прошлых взаимных обид. Важно, что интернационализм имеет «открытый» характер — принцип равенства распространяется не только на народы внутри искомого государства, а на все народы вообще. Второй — разных окрасов и интенсивности — признает исключительность национальной общности, превосходство одного этноса — над другим, одной «культурной нации» — над другой, одной «политической нации» — над остальными. Но интернационализм и национализм не существуют сами по себе, они — ипостаси государственной идеологии, пронизывающей все общество.

Во-вторых, решение задач национальной (конфессиональной и классовой) политики подразумевает наличие механизмов, обеспечивающих реализацию заложенных в идеологии установок. Эти механизмы подразделяются на организационно-управленческие и ресурсные. Первые применительно к национальной политике оформляются в систему национально-территориального управления, вторые представляют собой совокупность материальных средств.

Система национально-территориального управления включает не только административно-территориальное устройство (оно характеризует управленческую связь для национальной политики, для конфессиональной она приобретает форму допускаемого государством участия религиозных институтов в общественной жизни, для классовой политики — форму распределения власти между классами), но и практику взаимодействия между местным самоуправлением и центральной властью (то, что в концепции Л.В. Савинова именуется «патернализмом» и «субсидиарностью», а Ю.Г. Волковым, Г.С. Денисовой и А.В. Лубским определяется как «институциональные практики»; эта плоскость управления универсальна для всех трех социальных подсистем государственной политики), и организационные структуры, которые этой практикой занимаются.

Материальные средства исполнения национальной политики (как и двух других социальных подсистем) включают не только (и не столько) финансовое обеспечение программ

и проектов, но также и человеческий ресурс — людей как рабочую силу, обладающую знаниями, навыками, опытом и потенциалом, необходимыми для достижения поставленных целей, и различные общественные (не управленческие) институты.

«Триада» идеологии, национально-территориального управления и ресурсного обеспечения для системы национальной политики (и двух других социальных политик) выступает системообразующим фактором, тем, благодаря чему эта система и существует. Таким образом, она и является главным основанием специфических моделей национальной политики. Именно она будет подвергнута анализу с целью сравнения моделей национальной политики России и Китая. Однако прежде необходимо охарактеризовать объективный фон, на котором указанные основания сформировались — конкретные исторические и географические условия. Без этого анализ выявленных связей не может быть полным. При этом временными границами начала формирования современных моделей национальной политики для России мы будем считать 1991 г. — год распада СССР, для Китая — 1949 г. — год основания КНР. Несмотря на то, что даты эти уже значительно отдалены от нас, все же будем отталкиваться от них по следующим причинам: 1) национальная политика есть часть государственной политики, ныне существующие государства РФ и КНР образовались в 1991 и 1949 гг. соответственно; 2) национальная политика как система — динамична, она изменяется постоянно, в любой момент времени, и прилагательное «современная» в этом случае имеет весьма нечеткое значение; 3) анализ «моделей» национальной политики, как было показано выше, должен быть основан на анализе системообразующих связей, а они изменяются во временном отношении не так быстро, как содержание и формы государственных мер или методы их реализации (хотя эти изменения происходят и их нужно, конечно, учитывать, что мы попытаемся сделать при анализе ныне моделей современной нам национальной политики Китая и России).

Анализ условий формирования моделей национальной политики России и Китая

Исторические условия формирования модели национальной политики России связаны, прежде всего, с ее многонациональностью. Россия с раннего этапа своего становления

как государства была полиэтничной страной, здесь национальная политика формировалась под влиянием необходимости интеграции различных народов в единую государственную структуру. Важно и то, что формирование государственной территории России доимперского периода происходило за счет слабо населенных земель, часто — за счет добровольных присоединений [24, с. 16]. И эти территории составляли большую часть государства. Местные элиты инкорпорировались в элиту государственную, само государство не проводило осознанную и насильственную политику ассимиляции. Таким образом, в России сложились предпосылки для идеологии интернационализма.

В период XVIII–XIX вв. имперская модель России предполагала доминирование русской культуры (например — православия) и русского языка, но при этом — и патернализм по отношению к малым народам, сохранение их религий и традиций. По другому не могло быть: к началу XX столетия русские — народ, образовавший российское государство (в понятие «русские» включались и украинцы, и белорусы) — составляли около 67 % [38, с. 117]. Каждый третий житель России не был «русским», а собственно русские (великорусы) составляли менее 45 % населения империи. К тому же почти все народы, населяющие Россию, проживали на своей исторической территории, т.е. были коренными ее жителями, а на огромных пространствах «русских» почти не было (таежные и тундровые районы Восточной Сибири и Дальнего Востока) или они составляли меньшинство населения (Средняя Азия, Закавказье и горные районы Северного Кавказа, Польша, Финляндия). В этих условиях стабильность российской государственности не могла быть обеспечена без учета этнической специфики регионов.

Но именно в это время — на рубеже XIX–XX вв. России возникает «национальный вопрос» — правительство начинает проводить политику «русификации» национальных окраин, имевших исторически сложившееся самоуправление (Финляндия и Польша), и вообще идет по пути постепенной ликвидации льгот для «иностранцев» и не восточных славян. Это было обусловлено развитием капиталистических отношений в России и связанным с этим становлением национальной интеллигенции, присоединением в XIX в. относительно густонаселенных территорий Кавказа, Средней Азии, Польши. Такая политика, вредная для многонационального государства в принципе и противоречащая усто-

явшимся с древнейших времен традициям государственного управления национальными окраинами, была продиктована не желанием властей уравнивать народы в правах, а стремлением уравнивать их в бесправии, сохранить монархию. В итоге «национальный вопрос» стал одной из причин социальной революции 1917 г.

Средством решения «национального вопроса» после прихода к власти большевиков и стала реализация установки о праве наций на самоопределение. Важно, что это право не просто уравнивало русский и другие народы России — В.И. Ленин прямо указывал на то, что говорить о праве наций на самоопределение необходимо не в контексте юридических дефиниций, а исходя из исторического опыта национальных движений [34, с. 258], т.е. для реализации права на самоопределение «нация» (то, что современные этносоциологи именуют «культурной нацией») должна «дорости» до него. Это право предполагало социалистическую государственность и никакую иную. Поэтому право на самоопределение можно трактовать как «национальное по форме, но социалистическое по содержанию» [39, с. 77]. Право наций на самоопределение — ключевой принцип, критикуемый противниками национальной политики большевиков. У критиков этого принципа вызывает отторжение не он сам (это право зафиксировано в первой статье Устава Организации Объединенных Наций — в форме «уважения принципа равноправия и самоопределения народов»²), а последствия применения этого принципа для России. При этом критики забывают, что право наций на самоопределение и лежало в основе Советского Союза — без него он бы не появился. Конкретные исторические условия привели к тому, что первоначально получили собственную государственность и право выхода из СССР украинский, белорусский, армянский, грузинский и азербайджанский народы («культурные нации»). Другие народы, у которых в ходе Гражданской войны не сложилось устойчивой государственности или вовсе не было таких попыток, получили различные формы автономий, но эти формы не были навечно законсервированы, они изменялись в зависимости от конкретных обстоятельств, при этом всегда высшим приоритетом оставалось политическое единство СССР. Эту характеристику И. В. Сталин определял как «эластичность советской автономии» [40, с. 355]. В

² Устав ООН // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

русле этой «эластичности» практиковалось создание национально-государственных образований различного уровня (автономные области, автономные округа, автономные республики, союзные республики), при этом со временем статус этих образований мог изменяться (пример — национально-территориальное размежевание в Средней Азии). Этим самым учитывались численность и социально-экономический уровень развития этноса. Другой особенностью советской национальной политики стала т.н. коренизация, которую критики всего советского, понимая ее очень узко, превращают в причину регионального национализма. Однако коренизация — это комплекс мероприятий: и продвижение на руководящие должности представителей местных национальностей, и внедрение национальных языков в делопроизводство, образование, и поощрение издания средств массовой информации на местных языках (при этом создавались системы письменности, открывались учебные заведения, культурные учреждения и т.п., по сути — институционализировалась национальная культура народов СССР), и создание национально-территориальных автономий. По мере укрепления центральной власти и связей автономий и центра коренизация меняла свой характер — на первый план выходили не ее управленческие, а культурные содержательные стороны. Коренизация была нужна для того, чтобы «упрочить союз между центральной Россией и окраинами», «создать атмосферу взаимного понимания и братского доверия» [40, с. 357]. Третьей особенностью советской национальной политики стало установление своеобразного национально-территориального баланса: исходя из права наций на самоопределение и учитывая интересы как населения национальных окраин, так и союзного государства, укреплялась и развивалась общая социалистическая государственность. На практике это выливалось в следующие шаги: включение в состав союзных республик и автономных республик территорий с небольшой или, по крайней мере, не преобладавшей частью «титального населения» (и создание иногда на этих территориях автономий (если идет речь о союзных республиках)) и, наоборот, исключение части территорий с преобладающим коренным населением из состава национально-территориальных образований с присоединением их к «русским» регионам. Например, в состав Украины были включены Новороссия (позднее — Крым), в состав Азербайджана — Нагорный Крабах, в составе Пермской

области оказались коми, в составе Читинской и Иркутской областей — буряты, в состав национальных республик Поволжья и Приуралья (Марийской, Чувашской, Татарской, Удмуртской) были включены районы с преобладающим русским населением. Все это делалось не для того, чтобы обострить национальный вопрос, а напротив — чтобы сдерживать национализм «титального» этноса. Принцип баланса отражался и в распределении Конституцией СССР полномочий между республиками и центром, при котором все системообразующие сферы общественной жизни и управления находились под контролем или в прямом подчинении союзных властей, и в структуре государственных органов СССР, основой которой был демократический централизм (все органы власти формируются путем выборов снизу доверху (и избранные высшестоящие органы подотчетны нижестоящим), но после формирования их, таким образом, решения высшестоящих органов власти обязательны для нижестоящих).

Вершиной национальной политики СССР должно было стать формирование «советского народа», и оно было провозглашено³ и закреплено в Конституции 1977 г.

Таким образом, к моменту распада СССР, образованию Российской Федерации и, соответственно, началу формирования современной модели национальной политики в России сложились следующие условия:

1. Традиции интернационализма в идеологии государственной власти; интернационализм сложился исторически — в ходе освоения русским народом огромных евразийских пространств, на которых он хотя и составлял большинство, но не абсолютное, а лишь относительное, и не занимал эти пространства полностью; интернационализм, сложившийся естественным путем и имевший практический смысл, получил в советский период ценностное обоснование.

2. Оригинальный и эффективный опыт национально-территориального управления, почти целиком являющийся опытом советским (в досоветский период мы можем найти прототипы автономий (Касимовское ханство, Сибирское царство, Царство Польское, Великое княжество Финляндское), но они не составляли системы) — этнотерриториальный федерализм (неразрывно связанный с социалистической государственностью) со своеобразной системой административно-территориального устройства (осно-

³ XXII съезд КПСС (17-31 октября 1961 года) : стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 153.

ванного на праве наций на самоопределение, принципах эластичности автономий и баланса) и системой взаимоотношений между регионами и центром (на основе демократического централизма, принципах коренизации и баланса); последняя находилась в кризисе на момент распада СССР в результате «демократических» политических преобразований 1988–1991 гг.

3. Мощнейшая ресурсная основа в виде, прежде всего, сложившейся национальной интеллигенции, институализированных национальных культур и материальной экономической базы национальных окраин (все это — большей частью заслуга советского периода, в особенности это справедливо по отношению к тем народам, которые нельзя причислить к «культурным нациям», а только к «этносам»); последняя, впрочем, также была изрядно истощена реформами эпохи перестройки.

* * *

Исторические условия формирования национальной политики Китая в силу древности китайской цивилизации уходят своими корнями в глубь веков. Сложно реконструировать процесс рождения китайского этноса в деталях. Он формировался на полиэтнической основе, как и все иные народы, но достаточно рано в Китае была сформулирована идея «китаецентризма» (под влиянием конфуцианских идей) — в эпоху Чжоу, и, видимо, появление этой идеи коррелирует с формированием в долине Хуанхэ «хуася» — этнического ядра будущей китайской нации. Хуася — это то, что можно идентифицировать как «культурную нацию», поскольку именно признак культуры и цивилизованности (а значит — подчинения вану) был основным критерием отнесения человека к хуася [41, с. 170]. Хуася (позднее — хань) — это не генетическая, языковая или даже гражданская общность, это — общность культурная, общность носителей цивилизации (в противовес «варварам»). Экспансия китайского государства в конце старой и начале новой эры сопровождалась поэтому не только установлением патернализма китайских властей по отношению к коренному населению присоединенных областей, но и культурной ассимиляцией, которая становилась по факту ассимиляцией национальной. Можно считать, что конфуцианская доктрина и представление о Китае как «центре мира» изначально сформировали иерархическую систему этнических отношений, но эту систему нельзя назвать националистической:

она была открыта для «варваров» (т.е. «варвары» могли стать ханьцами), «в ханьское время возникла политическая практика “слабого руководства варварами”, для которых были разработаны особые принципы политического, административного и правового регулирования», а во времена империи Тан «в китайскую политическую доктрину впервые была включена идея полиэтнического многонационального государства» [42, с. 263], что стало реакцией на «варваризацию» севера Китая в результате волны завоеваний «северных варваров» и впоследствии облегчало не раз их инкорпорацию в китайскую культурную среду. Два исключения из этого правила породили мощные социальные катаклизмы, имеющие национальную подоплеку — антимонгольское восстание «красных повязок» в XIV в. и антиманьчжурскую Синьхайскую революцию — в начале XX столетия. Но эти исключения стали порождением не китайской традиции, а той националистической политики, которую проводили монголы и маньчжуры.

Синьхайская революция, проходившая под националистическими лозунгами часто интерпретируется как проявление китайского национализма, однако китайский национализм Сунь Ятсена, зафиксированный в «трех принципах» Гоминьдана, это не совсем то же, что национализм европейский или американский. Он имеет с ними общие корни (развитие капитализма, порождением которого национализм и является), но и сильно от них отличается. Он по сути национально-освободительный, а не экспансионистский. Цель «трех народных принципов» — создание «мира для всех», общества, в котором «мир делится между людьми», политика осуществляется народом, блага распределяются между людьми [43, с. 170]. Национализм Сунь Ятсена — это идея объединения национальностей Китая на основе общности культуры, носителями которого являются китайцы. Условие инкорпорации здесь — не язык, не религия, не раса, а культурная традиция, китайский национализм — «многонациональный» национализм [44, с. 109]. «Ханьцы» превращались в наднациональное понятие, которое придавало ему лидерство среди прочих народов Китая, но не наделяло его особыми правами или привилегиями. Это в общих чертах соответствовало предшествующей традиции и отвечало потребностям времени — «Эре милитаристов» (когда Китай фактически распался на части после Синьхайской революции, а Халха, Тибет и Синьцзян отделились от Китая).

Однако вскоре после того, когда большая часть бывшей империи Цин (и все собственно китайские провинции) были объединены Гоминьданом, идея «многонациональной нации» сменилась идеей монолитной нации, идеей ассимиляции через интеграцию. Для этого были основания — подавляющее большинство жителей Китая были китайцами, и были причины — необходимость национальной консолидации в условиях войны с Японией. «Культурная нация» Китая должна была поглотить остальные национальности. После войны китайский национально-освободительный национализм через идею монолитной нации вполне мог переродиться в классический экспансионистский национализм евро-атлантического типа, противопоставлявшего себя не только коммунизму, но и США [45, с. 414], но — Гоминьдан проиграл гражданскую войну коммунистам.

Итак, вот какое наследие получили китайские коммунисты после своей победы в 1949 г. в контексте национальной политики:

1. Традиции национализма в идеологии государственной власти, но национализма «мягкого» типа, апеллировавшего не к элитам, а к народным массам, не дававшего привилегий ханьцам, противостоявшего не другим нациям, а империализму.

2. Отсутствие традиции функционирования каких-либо национально-территориальных автономий (за исключением Автономного района Внутренняя Монголия, образованном Гоминьданом [46, с. 81]), территория, которую еще предстояло взять под контроль, но при этом — развитая, веками складывавшаяся система трансляции воли центральных властей местному самоуправлению, освященная конфуцианской патриархальной традицией, прямо увязывающей семью и государство [47, с. 149]; поскольку местное самоуправление в различных регионах имело свои национальные черты, его можно считать административным ресурсом национальной политики;

3. Разрушенная почти 40-летними гражданскими конфликтами и войнами экономика⁴, крестьянская страна, но при этом — сосед, который готов был помочь и морально, и материально — Советский Союз.

⁴ 温铁军. 建国初期共产党如何迅速而标本兼治的解决了民国的通货膨胀? [Вэнь Тэцзюнь. Каким образом в начале существования КНР КПК удалось в кратчайшие сроки кардинально решить проблему инфляции, доставшуюся в наследство от Китайской Республики?] // Guanchazhe. 2019. 12 окт. URL: https://www.guancha.cn/WenTieJun/2019_10_11_520825_2.shtml

Как видим, с точки зрения стартовых условий для формирования новой модели национальной политики, от которых приходилось отталкиваться строителям Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Китай и Россия отличаются почти во всем. Общая черта — наличие системы «обратной связи» регионов и центра, зиждущаяся, правда, на различных основаниях: в Китае — на традициях централизованной бюрократической системы, которая, впрочем, всегда предполагала развитое местное самоуправление (ниже уровня уезда), в России — система советского самоуправления. По отношению центра к регионам в обеих странах практиковался принцип патернализма, что можно рассматривать как положительный фактор, поскольку он позволяет быстро и эффективно реализовывать решения, принятые центром, на местах.

Сравнительный анализ современных моделей национальной политики России и Китая

1. *Идеология национальной политики России.* После распада СССР Россия естественно столкнулась с необходимостью переосмысления национальной политики. По инерции, приданной «перестройкой», в первые годы существования РФ акцент в национальной политике делался на права этнических групп, реабилитацию репрессированных народов, развитие национально-культурной автономии. Конституция 1993 г. закрепила равноправие народов и федерализм, но он достался России от СССР, предполагал иную социально-экономическую и политическую системы: это был вариант решения национального вопроса в социалистическом государстве и в условиях социалистической экономики. В России капиталистической и, по сути, моноэтничной по европейским стандартам стране [48, с. 83–84] ситуация была совсем иной. В итоге Россия столкнулась с ростом угроз межэтнических конфликтов, пережила две Чеченских войны и с начала 2000-х гг. перешла к идее формирования надэтнической гражданской идентичности и укрепления единства многонационального народа. Что это значит?

Несколько замечаний по форме идеологии национальной политики России. Современная идеология этнической политики России опирается на концепцию «российской нации», которая представляется как «нация наций» [8, с. 14] — надэтническая идентичность (самосознание), призванная интегрировать все народы страны при сохранении культурного многообразия, по

сути это — объединение «культурных наций» в «политическую нацию». Идентичность поставлена стараниями идеологов национальной политики России — В.А. Тишкова и др. — во главу угла вопроса формирования национального единства. Идентичность (т.е. отнесение человека самим себя к какому-либо этносу, нации) провозглашается, по сути, единственным надежным признаком национальной общности, чем косвенно отрицается само объективное существование этносов, а значит — и проблем, с этим связанных. Это — основной недостаток концепции идентичности: задача нациестроительства сводится к тому, чтобы добиться от населения страны такого состояния, чтобы каждый гражданин идентифицировал себя с российской нацией. Думается, что одного самосопоставления с «русской нацией» недостаточно. Этническая идентификация «своих» и «чужих» — одна из сильнейших (наряду с религиозными и классовыми идентификациями), поскольку основана на языке и, главное, стереотипах поведения, которые человек получает как данность в раннем детстве, еще в процессе осмысления существования самого себя. Поэтому основная задача, поставленная принятой в 2012 г. Стратегией государственной национальной политики РФ до 2025 г. — укрепление общероссийского гражданского самосознания и формирование единой российской нации, при сохранении этнокультурного многообразия народов страны — не достигнута. Межэтнические противоречия продолжают проявляться, несмотря на ужесточение правовых норм, связанных с ксенофобией, расизмом, экстремизмом, дискриминацией и разжиганием межнациональной розни. Политика идентичности может быть эффективной, если ее институционализировать [49], Украина — тому пример. Но насколько это справедливо для проекта «нации наций» — большой вопрос. Как на практике будут уживаться институционализация наций культурных и институционализация нации политической? Насколько долговечны результаты политики идентичности? Пример Украины показывает, что идентичность быстро может изменяться. Эти вопросы необходимо исследовать, прежде чем продолжать политику идентичности реализовывать.

А теперь — о сути идеологии национальной политики России. Традиции интернационализма, сложившиеся в России исторически и укрепленные на ценностном уровне в советский период (что было связано с официальной — коммунистической — идеологией, для которой интернационализм — неотъемлемая и одна из ключевых уста-

новок) подверглись коренной ревизии, поскольку в стране установились капиталистические отношения и началась (и продолжается до сих пор) декоммунизация общественного сознания. А идеология любого капиталистического общества — национализм (в разных формах, разной интенсивности, но национализм есть идеология буржуа, поскольку она оправдывает социальное неравенство (в основе которого — неравенство материальное)). С этим невозможно спорить серьезно, поскольку этот тезис имеет многократные практические подтверждения, хотя можно искусно разделять понятия «национализм» и «национальное самосознание» [50, с. 34]. Таким образом, интернационализм советского народа (который как нация существовал на самом деле, это не симулякр, как пытаются доказать некоторые политики и ученые сегодня) на сегодняшний день заменен совокупностью национализмов, в том числе — русского. Хотя Россия, по большому счету, почти моноэтническое государство (более 80 % населения — русские), но огромная территория, наличие множества народов (в том числе — довольно крупных), компактно проживающих на определенных территориях, наличие регионов, где русские составляют меньшинство, отрицательная демографическая динамика русского населения, быстрое увеличение количества мигрантов из республик Средней Азии (отнюдь не собирающихся в массе своей интегрироваться в российское общество, несмотря на установки Стратегии государственной национальной политики) нивелируют эту моноэтничность и усиливают тенденции русского национализма. Национализм заложен в самой официальной формулировке «многонациональное государство», поскольку его можно трактовать как государство, в котором состоят не много национальностей, а много наций, которым по статусу положено бороться за свою государственность [48, с. 83].

В идеале избавиться от национализма можно только поменяв всю общественную систему, т.е. отказаться от капитализма. Приходится искать способы снизить разрушительный потенциал национализмов, и внедрение концепции идентичности — один из таких способов, который продолжает культивироваться в общественном и научном дискурсах, несмотря на то, что на практике он не оправдывается, поскольку этносы существуют реально, независимо от того, признает их экспертное сообщество, определяющее идеологию национальной политики, или нет. Очевидные недостатки проекта идентичности призван нивелировать закрепленный в Страте-

гии государственной национальной политики и в других концептуальных документах Российской Федерации патриотизм — как объединяющий фактор для всей российской многонациональной нации. Патриотизм необходим, но при всем уважении к этому термину нужно признать, что он не может являться идеологической основой, если он не подкреплён другими установками, прежде всего теми, которые связаны с формированием образа будущего. Патриотизм — состояние любого гражданского общества в норме. Любой нормальный человек любит свою мать, любой нормальный гражданин любит свою страну. Но для того, чтобы развиваться, человеку недостаточно любить свою мать, ему нужно жить не только прошлым и настоящим, но и будущим, строить свою жизнь. Так и гражданскому обществу для консолидации необходим образ будущего. Наши деды и прадеды в годы Великой Отечественной войны понимали, что они воюют за светлое коммунистическое будущее (пусть и далекое), и их патриотизм выливался в массовый героизм. За какое будущее сегодня готовы воевать россияне? Среди них патриотов и сегодня, наверное, большинство. Но насколько этот патриотизм может быть деятельным в условиях «стерилизованного» образа будущего, в котором пока просматриваются довольно абстрактные вещи, вроде «высокого уровня жизни» или «стабильного общества».

В этом смысле выгодно отличается другая концепция, которая может играть консолидирующую в масштабах всей страны роль, получившая поддержку государства (пока — только на декларативном уровне), — идея «Русского мира», ставшая популярной на волне специальной военной операции на Украине. Ключевые положения идеологии «Русского мира»: культурно-цивилизационная общность, особое значение русского языка, традиционные ценности (в основе — православные), идея особого призвания русского народа и России как центра притяжения для всех «русских по духу», дружба народов, мессианская роль России в мировой истории. Положительный элемент концепции «Русского мира» в том, что в соответствии с ней русскими признаются не только граждане России, но и все носители русской культуры и русского языка, отрицательный — в том, что она в основе своей тоже националистическая и от того, что «русскими» признаются не только «этнические русские», она таковой быть не перестает. Однако эта концепция действительно временно (в условиях «горячего» противостояния с

геополитическими соперниками) может выполнять объединяющую функцию и сглаживать социальные противоречия буржуазного общества в сфере межнациональных отношений. Непроработанность трактовок понятия «Русский мир» позволяет политическим и культурным элитам наполнять его разным содержанием в зависимости от текущих задач и контекста.

2. *Идеология национальной политики Китая.* После 1949 г. и до 1982 г., т.е. в течение тридцати с лишним лет Коммунистическая партия Китая (далее — КПК) специально не ставила вопроса о национальных проблемах [51, с. 21–22]. Тем не менее, его видение у КПК присутствовало, как и принципы, на которых это видение зиждилось. Во-первых, было провозглашено равенство всех национальностей (хотя до фактического равенства — основанного на социально-экономической базе, — было еще далеко). Во-вторых, КНР была объявлена «многонациональным государством», а не государством ханьцев (у Гоминьдана в проектах Конституции 1934 и 1936 гг., например, говорилось о том, что все народности (народы, расы) Китайской республики «являются составными частями китайской нации» [52, с. 24, 55], в тексте самой Конституции, принятой в 1946 г., формулировка была уже мягче). В-третьих, формируется представление об «основной нации» (национальности, этносе — в китайском языке *миньцзу* может означать и то, и другое, и третье) [51, с. 35] — понятии, аналогичном «титальной нации» в русском языке (т.е. это народы, которые имеют свои автономные территориальные образования). В соответствии с этим принципом определен перечень «основных наций»; сначала их было 39, постепенно количество увеличилось до 56 (к 1979 г.) и с той поры остается неизменным. Китайское руководство часто критикуют за то, что оно искусственно ограничивает число «национальностей», но 56 народов — это те, кто имеет право на свои районные автономии, а не все этносы — здесь никаких ограничений нет. Политическая ангажированность в этом вопросе тоже присутствовала (и, вероятно, присутствует). Например, маньчжуры — бывшие хозяева империи Цин — несмотря на свою значительную численность (входят в «пятерку» наиболее многочисленных национальных меньшинств Китая) не имели своих автономных образований до 1980-х гг. [53, с. 167]. В-четвертых, право на самоопределение народов, которое В.И. Ленин считал необходимым условием для решения национального вопроса (в России), в

Китае было воспринято как один из возможных путей такого решения, два других — федерация и региональная автономия. В Китае был взят за основу последний вариант, частично надо полагать, — по причине традиций национализма в национальной политики, частично — на основании подавляющего численного превосходства ханьцев, частично — по причине узкого понимания «самоопределения наций» (исключительно как «отделения», сецессии, в то время как в советской идеологии именно предоставление этого права народам обеспечивало их политическое единство), официально же — потому что с образованием КНР все народы Китая и так получили истинное освобождение и равенство (т.е., поддержав КПК, избрав социалистический путь развития, уже «самоопределились») [51, с. 46–47].

К началу XXI столетия китайские ученые сформулировали особенности национального вопроса в Китае: 1) национальные противоречия в Китае касаются не политической сферы, а экономической; 2) многообразие национальных проблем (в экономической сфере); 3) неантагонистические и антагонистические национальные противоречия (последние имеют истоки за рубежом); 4) национальный вопрос имеет не только местное значение (в конкретных регионах), но и в масштабе всей страны (т.е. он может влиять на развитие страны в целом); 5) скрытый характер некоторых сторон национального вопроса (прежде всего тех, что связаны с социально-экономическими проблемами); 6) длительное решение национального вопроса (окончательно он будет решен только после того, когда исчезнут национальные различия); 7) перманентность национальных проблем и их стратегический характер [там же, с. 24–26]. Бросается в глаза глубина понимания национального вопроса китайскими учеными в сравнении с российскими теоретиками национальной политики. Китайские эксперты сразу сосредотачивают внимание на том, что национальный вопрос нельзя решить, не решая экономических проблем; они отдают себе отчет в том, что по крайней мере часть национальных проблем генерируется за пределами Китая; есть понимание того, что решение национального вопроса — это необходимость не местного значения, а общегосударственное дело; наконец, есть понимание, что национальный вопрос требует постоянного внимания, его нельзя решить «окончательно», пока есть национальности, нации, этносы. В России к началу XXI в. те, кто определяет идеологию национальной политики, пришли только к пониманию того,

что национальный вопрос крайне важен. О том, что в национальных проблемах России заинтересованы западные акторы, у нас начали догадываться только после начала СВО. А то, что национальный вопрос нельзя решить, не решив социально-экономические вопросы, видимо, неизвестно до сих пор. Вместо этого предлагается институционализировать идентичность.

После 2012 г., т.е. с приходом к власти Си Цзиньпина, теория национальной политики Китая обогатилась идеей «китайской мечты» — «великого возрождения китайской нации», — которая является развитием идеологии «социализма с китайской спецификой» в той ее части, что ставит текущие цели на длинном пути КНР к коммунизму. Важно, что «китайская мечта» — это мегапроект, но одна из ее важнейших целей касается как раз национальной политики («Цель ее — содействовать консолидации общества, достижению национального единства народа Китая...» [54, с. 46]), что свидетельствует об осознании китайским руководством стратегической важности решения национального вопроса. С точки зрения национального вопроса концепция «китайской мечты» означает курс на формирование единой гражданской идентичности, (здесь мы видим параллели с общим трендом современной этносоциологии), но и — минимизация этнических различий, усиление ассимиляционных практик. В этом смысле современная идеология национальной политики Китая характеризуется возвращением к идее позднего Сунь Ятсена и Чан Кайши о монолитной нации. Можно ли этот поворот считать поворотом к национализму? Думается, что это — упрощенная постановка вопроса. Китайская национальная политика в течение всего XX в. была националистической, но не в классическом — европейском — понимании этого слова, подразумевающим превосходство одной нации над другими. Этнические различия признаются, но подчиняются задаче национального единства. Идея единства превалирует над идеей различий в концепте нации. Исполон веков основой нации считалась не языковая принадлежность или особенности культуры (т.е. то, что разъединяет людей), а «регулируемое отношение», «правильное поведение», «четкое разграничение» и «настоящее самосознание» [55, с. 342] (еще одна параллель с «идентичностью»). Множество фактов — от политики преференций для меньшинств (образование, налоги) до конституционно закрепленной «многонациональности» китайского народа свидетельствует о том, что национальную политику КНР отождествлять с национализмом евро-атлан-

тического буржуазного толка нельзя. Национальные меньшинства в Китае имеют возможность развиваться как особые социально-культурные общности (даже те из них, которые имеют в истории Китая «негативную» репутацию, как, например, маньчжуры [53, с. 176]).

Но Си Цзиньпин, формулируя концепцию «китайской мечты», по сути пересмотрел один из принципов социалистического общества — интернационализм. Официально национальная политика КНР провозглашает принципы единого многонационального государства, региональной автономии для национальных меньшинств, развитию и равенства всех национальностей, однако эти принципы вступают в противоречие с идеей о «возрождении величия китайской нации», поскольку это — именно возрождение, т.е. возвращение к тем временам, когда Поднебесная считала себя центром мира и осуществляла миссию распространения цивилизации среди «варваров», ее окружавших. И если для мира «китайская мечта» означает возвращение Китаю себе особого положения, то для народов КНР — это путь «ползучей» китаизации. Таким образом, китайский национализм, даже будучи не признан официально, все же получил свое отражение и в официальной идеологии. Признаки этого — не только в идее «возрождения». Так, Си Цзиньпин, провозглашая «китайскую мечту», упомянул «о более чем вековом китайском стремлении к национальному возрождению», т.е. связал современность с теми десятилетиями, когда Китаем управлял Гоминьдан, идеологией которого был «мягкий» национализм. У «китайской мечты» есть преимущество над предшествующими концепциями китайского национализма (подготовленное внедрением теорий «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина (китайский социализм допускает до известного предела частную собственность на средства производства), «трех представительств» Цзян Цзэминя (КПК представляет интересы не только пролетариата и крестьянства, но и буржуазии), «гармоничного развития» Ху Цзиньтао (социалистический Китай готов сотрудничать с буржуазными государствами по всем вопросам, несмотря на идеологические противоречия): эта идея предполагает единство китайской нации «политической нации» Китая (т.е. всей совокупности ее народов) и китайской диаспоры за рубежом. Это роднит в некотором смысле идею «Русского мира» и концепцию «китайской мечты», но «Русский мир» имеет определенную этническую окраску, в то время как «китайская мечта» более демократична и толерантна.

3. *Механизмы национальной политики (национально-территориальное управление и ресурсная база) в России.* В наследство от СССР России достались национально-территориальный принцип административно-территориального устройства и механизм управления национальными окраинами. И то, и другое было неразрывно связано с политическим устройством социалистического государства. После демонтажа советской системы центрального и местного управления и местного самоуправления административно-территориальное устройство осталось неизменным, что породило национальный сепаратизм. В начале 2000-х гг. была предпринята попытка «упростить» национально-территориальную систему (упразднение шести из десяти автономных округов — Коми-Пермяцкого, Агинского Бурятского, Усть-Ордынского Бурятского, Таймырского (Долгано-Ненецкого), Эвенкийского и Корякского), однако в конце концов от этой идеи отказались. Напротив, стала выстраиваться система, характеризующаяся отсутствием единых принципов национально-территориального устройства и практики отношений между центром и национальными окраинами. Взаимоотношения центра и некоторых республик Северного Кавказа (прежде всего — Чеченской Республики) разительно отличаются от его взаимоотношений с республиками других частей России, и есть мнение, что «не следует бояться того, что отдельные шаги субъектов Российской Федерации могут быть направлены на дополнительное обеспечение их интересов, конечно, они должны быть согласованы с федеральным центром» [56, с. 21]. Интересно, что из республик в составе РФ два т.н. «новых» региона — Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, а также Республика Крым — русские в своей национальной основе. Установки на сохранение и развитие этнокультурного и языкового разнообразия, поддержку культур и языков всех народов России, поддержку коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, защиту их прав и традиционного образа жизни в каждом конкретном случае также принимают очень разнообразные формы. «Ручное управление» национальными окраинами, характеризующееся большим количеством разнообразных исключений из общих правил (кстати, практиковавшееся и в Российской империи) — прямое следствие того, что система национально-территориального устройства советского образца в своей основе сохранилась, а советская система представительства

национально-государственных образований, система «обратной связи» была упразднена. И все же нужно признать, что «ручное управление» национальными окраинами пока эффективно работает. Заслуга в этом: и в заложенных в государственной политике традициях управления, и в гибкости современной политической системы. Рискнем предположить, что множество проблем, связанных с национальным вопросом России, не решенных, к сожалению, на идеологическом уровне, более или менее успешно купированы именно благодаря гибкости механизма национально-территориального управления.

Для того, чтобы национальная политика реализовывалась успешно, необходима помимо системы управления, ресурсная база. «Принятые в Российской Федерации законодательные акты обеспечивают условия для укрепления единства российской нации при сохранении и развитии этнокультурного и языкового разнообразия» [57, с. 206], обеспечено это с правовой точки зрения и на региональном уровне, но остро стоит кадровый вопрос, например, когда дело касается языковой политики в отношении малых народов. Ощущается нехватка учителей родного языка, высококвалифицированных управленческих кадров и этнологов, способных эффективно реализовывать задачи национальной политики. Законами РФ обеспечивается институционализация национальной политики, создаются и поддерживаются ресурсные центры, дома народов, этнокультурные организации и образовательные программы, направленные на сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия.

В России механизм финансирования поддержки этнокультурных проектов существует, но часто возникают проблемы недофинансирования или несвоевременного поступления денежных средств [58, с. 118]. Сосредоточение на финансировании конкретных программ выливается в «акционность» национальной политики (в ущерб планомерной и постоянной работе) и практику приоритета отчетности над значимыми конкретными результатами.

В целом следует признать, что, несмотря на серьезные проблемы, ресурсная база (кадры, финансы, институты) национальной политики в России имеется, однако ее потенциал реализуется своеобразно. Направление национальной политики, связанное с формированием общероссийской идентичности (в том числе — патриотического содержания) в ресурсном плане редко согласуется с направлением поддержки этнокультурного разнообразия. Это порождает

новые проблемы: 1) количество языков, используемых в образовании, сокращается [59], преподавание на родных языках ограничено; 2) ресурсы распределяются неравномерно, что усиливает различия между регионами (это — негативное следствие и упомянутого выше «ручного управления»), на этом фоне усиление роли единой гражданской идентичности иногда воспринимается как угроза для этнокультурных идентичностей, что приводит к недопониманию между центром и регионами, к противоречиям внутри регионов. Все эти проблемы с организационной точки зрения вполне преодолимы, их нужно исследовать и решать.

4. *Механизмы национальной политики (национально-территориальное управление и ресурсная база) в Китае.* В КНР после ее формирования была построена (постепенно, не сразу) система административно-территориального управления, имевшая в своей структуре национально-территориальный компонент. В соответствии с идеологическими установками, рассматривавшимися выше, идея федерации (не говоря уже о «самоопределении») отвергается по причине особенностей национального вопроса в Китае. Суть этих особенностей, по большому счету в том, что в Китае ханьцы — подавляющее большинство (более 90 %), но «меньшинства» занимают огромные территории Китая (более 60 %). Это диктует необходимость централизации, с точки зрения китайских теоретиков. В 1950-е гг. была сформирована трехступенчатая система: национальные автономии были образованы на уровне провинций (автономные районы — Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский), на уровне между провинцией и уездом (автономные округа, объединявшие несколько уездов) и на уровне уездов (автономные уезды) [51, с. 57–58]. Фактически существуют национальные административные единицы и низовых уровнях (национальные волости, национальные поселки, даже национальные районы в городах), но они не имеют статуса автономий и являются дополнением к системе национально-территориального устройства. Однако национальные автономии в КНР — это чисто административные образования, признаки государственности в них отсутствуют [там же, с. 53], опека центра по отношению к национальным автономиям детально, постоянна и усиливается с течением времени (проявление этого, в частности, можно видеть в перманентной унификации национально-территориальной системы, наблюдающейся на протяжении последних

десятилетий). Хотя считается, что такая система «разработана в сочетании с политикой самоуправления и со сложившейся в Китае специфической межэтнических отношений и национальных проблем» [60, с. 129], все же нельзя не отметить, что именно в ее основе находится корень многих межнациональных конфликтов, время от времени вспыхивающих на территории КНР (и идея «китайской мечты» стала, в том числе, одним из ответов на этот вызов). Административная практика в отношении национальных автономий мало учитывает саму национальную специфику, опираясь, скорее, на сложившуюся в «коренном» Китае традицию взаимоотношений между центром и провинцией. Например, «титутельная национальность» в национальных автономиях Китая может составлять меньше 10 % населения [52, с. 56], поскольку границы этих автономий далеко не всегда соотносятся с реальными территориями расселения того или иного этноса. Об искусственном ограничении численности возможных «титутельных наций», тенденции к упрощению этнической структуры КНР уже говорилось. Из 55 признанных национальных меньшинств автономные территории имеют 44 [33, с. 185].

Вместе с тем: законодательно (на уровне Конституции) закреплено представительство национальных меньшинств в руководстве автономиями [51, с. 62]; «корректно говорить о том, что на уровне статуса национальных районов предоставлена самостоятельность в сфере социальной инфраструктуры, политики повышения благосостояния населения, регулирования вопросов местного самоуправления» [29, с. 49], что важно потому, что большая часть представителей национальных меньшинств в Китае проживает в сельской местности, где значение местного самоуправления традиционно выше. То, что имеющиеся возможности местные власти не всегда используют, объясняется низкой правовой культурой [61, с. 119].

Национальная политика Китая опирается на комплексную ресурсную базу, включающую финансирование, кадровый потенциал и институционализацию культуры и национальных языков, равно как и государственного языка. Государство выделяет значительные финансовые ресурсы на поддержку национальных меньшинств и развитие национальных районов, объемы этих средств постоянно растут. С 1950-х гг. действует льготная финансовая политика для национальных районов, включая трансфертные платежи и субсидии. Финансирование направлено на социально-экономическое развитие, образова-

ние, инфраструктуру и сохранение культурного наследия национальных меньшинств. Интенсивное экономическое развитие западных окраин Китая (Синьцзян, Тибет) является одним из направлений стратегии «гармоничного развития», но оно выполняет и функцию решения «национального вопроса» (через повышение уровня жизни коренного населения регионов и, соответственно, рост его лояльности по отношению к центральной власти). Кадровая политика ориентирована на подготовку и привлечение специалистов из числа национальных меньшинств, на интеграцию ханьских кадров в национальные автономные районы. Существуют программы подготовки кадров, в том числе в Синьцзяне, которые реализуются уже более 70 лет, направленные на формирование лояльных, квалифицированных работников, способствующих стабильности и развитию региона. В Китае насчитывается большое количество государственных служащих, из которых формируется пул талантов для работы в национальных районах и в рамках инициативы «пояс и путь» [62]. Проблемой является неравномерное распределение кадров, недостаточная интеграция и балансировка прав и обязанностей между ханьскими и национальными меньшинствами. Государство официально поддерживает использование языков национальных меньшинств в образовании и культурной сфере. В регионах компактного проживания национальных меньшинств обучение ведется на их родных языках, при этом китайский язык изучается как средство межнационального общения. С 1950-х гг. действует политика приоритетного приема представителей национальных меньшинств в высшие учебные заведения с дополнительными баллами при поступлении. Государство инвестирует в развитие культурных ресурсов и защиту культурного наследия национальных меньшинств. В конце 2023 г. в КНР насчитывалось «142 исторических и культурных города, 312 исторических и культурных поселков, 487 исторических и культурных деревень, более 1200 исторических и культурных кварталов и 8155 традиционных деревень» [63, с. 130]. В целом финансирование национальной политики в Китае отличается от российского опыта тем, что оно осуществляется в рамках функционирования частично плановой экономики и строго в соответствии с решениями, принятыми высшими органами, а значит — на постоянной основе и под жестким контролем.

Существует критика в отношении политики «китаизации», направленной на унификацию

культур и языков, что вызывает конфликты и обвинения в репрессиях, особенно в отношении уйгуров и тибетцев [64, с. 33]. Есть проблемы, связанные, скорее, с «бытовым» китайским национализмом, чем с системой, например, неравенство в кадровой политике, сложности в балансе прав и обязанностей между ханьцами и национальными меньшинствами. Гораздо серьезнее противоречия, возникающие между необходимостью сохранения и развития национальных культур и политикой культурной унификации, которые преодолены в идеологической сфере, но наличествуют в реальной жизни.

Таким образом, ресурсная база этнической политики Китая представляет собой комплекс финансовых вливаний, кадровой подготовки и институционализации культурно-языковых практик, сопровождающихся, вместе с тем, серьезными вызовами и проблемами, связанными с правами национальных меньшинств и межэтническими отношениями, муссирующимися за пределами Китая.

Выводы

Сравнивать модели национальной политики Китая и России предпочтительнее — с точки зрения системного подхода, «моделирования» — в части системообразующих факторов, к которым мы относим государственную идеологию национальной политики, определяющую ее дух, и комплекс механизмов реализации национальной политики, в первую очередь — систему национально-территориального управления и ресурсную базу (финансы, кадры, этнокультурные институты). Сравнение указанных моделей не может не быть условным: во-первых, сама модель — умозрительная конструкция, во-вторых, КНР и РФ являются различными по своей сути государствами: Россия — государство буржуазное, Китай — государство социалистическое с элементами рынка. Это существенно: в России действует буржуазная демократия, в Китае государственная система основана на принципах демократического централизма. Это не может не влиять на национальную политику. Вместе с тем, сравнение это возможно, поскольку: а) политические режимы Китая и России во многом схожи, они характеризуются централизацией и элементами авторитаризма; б) Китай и Россия обнаруживают сходство в национально-территориальной структуре, сложившейся исторически: многонациональные государства с преобладающим этносом, и создавшим государство, и при этом — с относительно малоосвоенными «титальным» этносом «окраинами», по территории значительно пре-

восходящими «центр»; в) Китай и Россия находятся сегодня в авангарде борьбы за переустройство системы международных отношений (для Запада: первый — как конкурент экономический, вторая — как конкурент военно-политический), что делает вопрос о внутреннем единстве этих стран перед лицом внешних вызовов чрезвычайно важным, а единство это не может не быть национальным.

В области идеологии национальной политики в результате сравнения ее моделей мы должны признать преимущество КНР. Как и Россия, балансируя между поддержкой этнического многообразия и формированием национального единства, Китай избрал стратегию формирования единой китайской нации на основе совместного строительства справедливого общества будущего — коммунизма (хотя и в очень далекой перспективе, в ближайшей — возрождение величия Китая). При таком условии «ассимиляционная» по некоторым методам и по форме национальная политика становится «интеграционной» по содержанию: единение нации должно происходить осознанно, национальные меньшинства, имея возможность развивать свои национальные культуры, добровольно признают лидерство ханьской культуры, ханьской государственности, ханьской общественной организации просто на том основании, что именно они обеспечивают успешное развитие страны и движение ее вперед. Идеология национальной политики Китая — это *идеология строительства будущего*. В России внятная идеология национальной политики отсутствует, во-первых, в той части, которая должна определять будущее общества, во-вторых, в той части, которая определяет условия национального объединения. Идеология в буржуазном государстве не может быть иной, кроме как националистической, но в условиях такого многонационального государства как Россия национализм (даже национализм «нации наций») будет играть не консолидирующую (как в национальных государствах Европы (когда они были суверенными) или в «плавильном котле» Северной Америки), а деструктивную роль. Ради чего различным этносам объединяться, что вместе они должны построить из того, чего в России еще нет? Остается возможность опоры на великую российскую историю, идеология национальной политики России — это *идеология гордости за прошлое*. Концепция «формирования единой российской нации, при сохранении этнокультурного многообразия народов страны» не дает понимания того, на какую «культурную нацию» нужно равняться всем остальным — особая роль

русского народа как основателя российской государственности (тоже многонационального по своему генезису) нигде не фиксируется в российской национальной политике, а подразумевается. Эта роль, скажут критики, не фиксировалась и в советской национальной политике, но она там и не была нужна в условиях социалистической государственности (безо всяких «специфик») и в силу отличных от современного Китая обстоятельств — СССР не был моноэтническим государством. Представляется, что России целесообразно использовать опыт КНР — конечно, не в плане формирования образа будущего (у нас с Китаем различные общественные системы), а хотя бы в плоскости определения условий национального единения. Концепция «Русского мира», после ее теоретической проработки и освобождения от клерикальных и националистических оков, для этой цели подошла бы.

В части механизмов реализации национальной политики ситуация не столь однозначна. Применительно к системе национально-территориального устройства, российский федерализм, хотя он и функционирует в значительной мере благодаря «ручному управлению», видимо, успешнее справляется с задачей купирования угроз межэтнических конфликтов, чем китайский унитаризм. По крайней мере, на сегодняшний день, после завершения контртеррористической операции на Северном Кавказе, серьезных угроз сепаратизма внутри России нет. Россия начала «прирастать» новыми регионами (Крым, Севастополь, ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области). Система национальных автономий Китая отвечает принципу унитарного государства, и она менее гибка. Вопрос о том, что окажется сильнее — централизация или сепаратизм (подпитываемый извне, причем эта подпитка будет с усилением глобальной конкуренции Китая и США только нарастать) — вопрос далеко не праздный. И в этих

условиях система национальной автономии Китая «нуждается в серьезном улучшении» [51, с. 171], опыт России ему мог бы пригодиться. С другой стороны, в России давно назрел вопрос представительства национальностей в высших органах власти, вопрос, решенный в КНР. И здесь уже России было бы полезно изучить опыт Китайской Народной Республики.

Обращаясь к сравнению ресурсных баз национальной политики России и Китая, мы найдем много общего в плане формы (развитие национально-культурных институтов, поддержка языков национальных меньшинств, правовое обеспечение национальной политики и т.д. и т.п.), и очень мало схожего по содержанию. Россия в части институционализации национальных культур и кадрового обеспечения до сих пор опирается на задел, созданный в годы существования СССР, и динамика в этом отношении неоднозначная. Китаю почти все в этом плане пришлось создавать с нуля, и здесь динамика положительная, но — на фоне множества проблем. Сложно, конечно, сравнивать масштабы финансовых вливаний России и Китая в национальную политику, да и не нужно это делать — их объектная база (численность представителей национальных меньшинств, численность населения страны) несопоставимы. А вот сравнение систем финансирования национальной политики, не в плане их организации (повторим, в Китае и России — различные социально-экономические базисы), а с точки зрения их эффективности, — интересный вопрос, ждущий своего исследователя.

Проблемные точки, связанные с «триадой» системообразующих факторов национальной политики, есть и у китайской модели, и у российской. Взаимный учет опыта выстраивания национальной политики позволит Китаю и России преодолеть трудности, возникающие в процессе формирования национального единства.

Список использованной литературы

1. Знаменский Д.Ю. Теоретико-методологические основы исследования государственной политики / Д.Ю. Знаменский. — DOI 10.7256/2409-7144.2016.3.18176. — EDN VOSPZV // Социодинамика. — 2016. — № 3. — С. 86–97.
2. Знаменский Д.Ю. Российская национальная модель государственной политики: структура и особенности / Д.Ю. Знаменский. — EDN YWJMQF // Управление. — 2018. — Т. 6, № 2. — С. 61–66.
3. Савинов Л.В. Формула государственной национальной политики / Л.В. Савинов // Инструментарий. — Москва, 2024. — Вып. 7. — С. 18–19.
4. Савинов Л.В. Национальная политика и обеспечение этнобезопасности Российской Федерации / Л.В. Савинов, Н.Н. Скорых. — DOI 10.26516/2073-3380.2024.50.7. — EDN CDEHUIZ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2024. — Т. 50. — С. 7–15.

5. Савинов Л.В. Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации / Л.В. Савинов, О.В. Симагина, Н.Н. Скорых. — EDN SDJWIW // Вестник Российской нации. — 2023. — № 5 (91). — С. 9–20.
6. Савинов Л.В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация / Л.В. Савинов. — EDN UEFLER // Вестник Российской нации. — 2020. — № 2 (72). — С. 9–17.
7. Савинов Л.В. Этнополитика Китая: прошлое и современность / Л.В. Савинов. — EDN NKUXJF // Этносоциальные процессы в Сибири : материалы XII Междунар. семинара, Кызыл, 20–24 июня 2014 г. / отв. ред. Ю.В. Попков. — Кызыл, 2015. — Вып. 10. — С. 93–98.
8. Тишков В.А. Научные основы и мировой контекст российской модели национального строительства / В.А. Тишков. — EDN EQDHCL // Вестник Российской нации. — 2024. — № 1 (94). — С. 9–22.
9. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России / В.А. Тишков. — Москва : Изд-во ИЭА РАН, 2023. — 69 с. — DOI 10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69. — EDN EHVYVA.
10. Тишков В.А. Нации-государства в историческом и глобальном контексте / В.А. Тишков. — EDN YYIRQU // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 г. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 155–159.
11. Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство / В.А. Тишков. — EDN XXCSNS // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19, № 2. — С. 42–62.
12. Государственная национальная политика Российской Федерации : учеб. пособие / В.А. Тишков, В.В. Степанов, Е.А. Пивнева [и др.]. — Москва : Просвещение, 2020. — 288 с.
13. Селезнев П.С. Национальная политика в многонациональном государстве: баланс интересов или гегемония власть имущих? / П.С. Селезнев, И.А. Шалаев. — DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-5-79-85. — EDN RCUYGA // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — Т. 9, № 5 (41). — С. 79–85.
14. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в объективе этносоциологии, национальной политики и в цивилизационной динамике / Ю.В. Попков. — EDN CUKBWX // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : VI Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 26–29 июня 2024 г. — Казань, 2024. — С. 165–167.
15. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере новосибирской научной этносоциологической школы / Ю.В. Попков. — DOI 10.15372/HSS20230202. — EDN JKOLGH // Гуманитарные науки в Сибири. — 2023. — Т. 30, № 2. — С. 14–23.
16. Попков Ю.В. Дискурс идентичности в концептуально-проблемном поле современной российской национальной политики / Ю.В. Попков. — EDN XXZSCG // Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. — Новосибирск, 2020. — С. 230–246.
17. Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) / Ю.В. Попков. — DOI 10.25178/nit.2020.3.18. — EDN GWWPOT // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 3. — С. 18.
18. Попков Ю.В. Культурное разнообразие и идентичность как проблемные вопросы государственной национальной политики / Ю.В. Попков. — EDN YOOGZL // XIII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов, Казань, 02–06 июля 2019 г. — Казань, 2019. — С. 303.
19. Попков Ю.В. Концептуальные вопросы государственной национальной политики: взгляд из регионов / Ю.В. Попков. — EDN VKIGUY // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 06–07 сент. 2018 г. / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. — Казань, 2018. — С. 22–27.
20. Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели / Ю.В. Попков. — EDN TRRQKP // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С. 39–44.
21. Региональные модели государственной национальной политики современной России : в 2-х ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова [и др.]. — Новосибирск : Манускрипт, 2016. — Ч. 1. — 176 с. — EDN IVMAFB.
22. Зорин В.Ю. Национальная политика российского государства в XX - начале XXI века : учеб. пособие / В. Ю. Зорин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2022. — 251 с.
23. Зорин В.Ю. Приоритеты и мегатренды нового десятилетия в национальной политике России / В.Ю. Зорин, М.С. Каменских. — DOI 10.18384/2224-0209-2023-2-1263. — EDN VQWFCF // Вестник Московского государственного областного университета. — 2023. — № 2. — С. 3.
24. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в условиях новой политической реальности: традиции и инновации / В.Ю. Зорин. — EDN EGTSCK // Сборник материалов Всероссийской стратегической сессии по укреплению общероссийской гражданской идентичности : Москва, 18 апр. 2023 г. — Москва, 2023. — Т. 1. — С. 13–23.

25. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры / В.Ю. Зорин. — EDN YRHESS // Вестник Российской нации. — 2018. — № 1 (59). — С. 13–30.
26. Волков Ю.Г. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России / Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, А.В. Лубский. — EDN ZBLRQT // Власть. — 2017. — Т. 25, № 7. — С. 13–22.
27. Лубский А.В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России / А.В. Лубский. — DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.3. — EDN YPOSDQ // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7, № 1. — С. 48–64.
28. Денисова Г.С. Российская национальная политика в фокусе международного опыта (по результатам экспертной апробации исследования) / Г.С. Денисова, А.В. Бедрик. — DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.18. — EDN ZXWHYX // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 6, № 6. — С. 209–221.
29. Волков Ю.Г. Межэтнические отношения в Китае: ценностная политика и институциональные практики / Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, В.П. Войтенко. — EDN GVQVCH // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. — 2017. — № 6 (65). — С. 45–52.
30. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации : поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. — Москва : НОФМО, 2008. — 364 с. — EDN QPBWQJ.
31. Виноградов А.В. Глава 2. Россия и Китай: модели развития для Евразии / А.В. Виноградов. — EDN GXUKMW // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. — Москва, 2022. — С. 21–46.
32. Бирюков С.В. Особенности и опыт национальной политики Китая в контексте особенностей его политической системы / С.В. Бирюков, Т.П. Шикер. — DOI 10.17223/15617793/456/17. — EDN PWDCK // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 456. — С. 147–151.
33. Беляев Д.С. Положительный опыт национальной политики Китайской Народной Республики на современном этапе / Д.С. Беляев, Д.А. Федулеева. — DOI 10.5281/zenodo.12771525. — EDN HITLQY // Наукосфера. — 2024. — № 7-1. — С. 183–188.
34. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Изд. 5. — Москва, 1969. — Т. 25. — С. 255–320.
35. Насимова П.А. Понятие национальной политики и её основные направления / П.А. Насимова. — EDN SABYKV // Вестник Педагогического университета. — 2014. — № 1-1 (56). — С. 28–36.
36. Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды / В.М. Родачин. — DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53. — EDN UQKITL // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — Т. 11, № 6. — С. 46–53.
37. Севастьянов А.Н. Диалектика социального и национального. К постановке вопроса / А.Н. Севастьянов. — EDN RWNGKV // Вопросы национализма. — 2010. — № 1. — С. 17–25.
38. Калабеков И.Г. Российская империя и страны мира в цифрах / И.Г. Калабеков. — Москва, 2022. — 170 с.
39. Gorenburg D.P. Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation / D.P. Gorenburg. — Cambridge : Cambridge University Press; 2003. — 297 p.
40. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва, 1947. — Т. 4. — С. 351–363. .
41. Биктанова А.Ш. Влияние конфуцианства на формирование китайской национальной идентичности / А.Ш. Биктанова, Р.Р. Вильданов. — EDN YTSDXL // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Вост. центра. — 2024. — № 27. — С. 169–171.
42. Исхаков Р.Л. Принцип миньцзу чжуи и легитимация национальной государственности Китая / Р.Л. Исхаков. — EDN WILFRV // Китай: история и современность : IX Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 22–23 окт. 2015 г. / отв. ред. С.В. Смирнов. — Екатеринбург, 2016. — С. 262–279.
43. 江畅.中国传统价值观及其现代转换 (上卷) [Цзян Чанг. Традиционные китайские ценности и их современная трансформация / Цзян Чанг. — Пекин : Изд-во соц. наук, 2020. — Т. 1. — 170 с.].
44. Морозова Н.В. Специфика «государства-нации» в китайской модели развития / Н.В. Морозова. — DOI 10.28995/2073-6339-2018-2-105-115. — EDN VPEUJQ // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2018. — № 2 (12). — С. 105–115.
45. Fenby J. Chiang Kai Shek: China's Generalissimo and the Nation He Lost / J. Fenby. — New York : Carroll & Graf, 2005. — 562 p.
46. Глинкин В.С. Периодизация национальной политики КНР (1949 г. — начало XXI в.) / В.С. Глинкин. — DOI 10.17223/19988613/51/11. — EDN YULXRI // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 51. — С. 81–84.

47. 孔子的七十二弟子及其学生们.礼记 [Семьдесят два ученика Конфуция и их последователи. Обряды / Ли Цзи. — Пекин : Чжунхуа, 2007. — 1269 с.].
48. Белов В.А. Идеология и социальные вызовы современной национальной политики / В.А. Белов. — EDN MOTTOV // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2010. — № 3 (46). — С. 82–93.
49. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ / М.В. Назукина. — DOI 10.17976/jpps/2020.03.06. — EDN FXIPLH // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 3. — С. 78–92.
50. Мнацаканян М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений / М.О. Мнацаканян. — EDN JUIWAF // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 6. — С. 24–35.
51. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / А.А. Москалев. — Москва : Памятники ист. мысли, 2001. — 224 с.
52. Конституционные акты Китая. Хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. — 190 с. — EDN: JPHAWB.
53. Ставров И.В. Маньчжуры КНР: правовые, социально-экономические и культурные аспекты развития / И.В. Ставров. — EDN YNWIPV // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 165–178.
54. Лань Юй. Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР / Юй Лань. — DOI 10.24158/пер.2022.4.6. — EDN ZPDRWD // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 4. — С. 43–47.
55. Sources of Chinese Tradition / compiled by Wm.Th. De Bary, R. Lufrano. — New York : Columbia University Press, 1999. — Vol. 2: From 1600 Through the Twentieth Century (Introduction to Asian Civilizations). — 656 p. .
56. Авакьян С.А. Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства / С.А. Авакьян. — DOI 10.31857/S102694520020390-0. — EDN CJVEFB // Государство и право. — 2022. — № 6. — С. 13–22.
57. Урун С.А. Реализация задач государственной национальной политики Российской Федерации по защите и поддержке родных языков в Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена / С.А. Урун. — EDN IJPGOT // Россия в новых измерениях: единство и многообразие : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 30 окт. 2023 г. — Москва, 2024. — С. 201–214.
58. Бусалова С.Г. Государственная этнонациональная политика: основные компоненты и направления их финансирования / С.Г. Бусалова, С.М. Макейкина, Р.И. Панкова. — EDN THJVJT // Финно-угорский мир. — 2014. — № 3. — С. 114–118.
59. Кудашкина С.В. Как и зачем сохранять этнические языки России / С.В. Кудашкина, Е.М. Семенова. — EDN NHTKYQ // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты : сб. науч. ст. по материалам XV Междунар. научно-практ. конф., Йошкар-Ола, 12 окт. 2023 г. — Йошкар-Ола, 2024. — С. 236–241.
60. Сянньань Л. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 Г. По настоящее время) / Л. Сянньань. — DOI 10.15688/jvolsu4.2018.4.11. — EDN UWTKBC // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2018. — Т. 23, № 4. — С. 124–130.
61. Ставров И.В. Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР / И.В. Ставров. — DOI 10.24412/2658-5960-2022-38-108-124. — EDN GUGLAX // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2022. — Т. 38. — С. 108–124.
62. Вэй Лиянь. Каналы резервирования кадров для создания пула талантов стран, примыкающих к зоне «Одного пояса, одного пути» / Вэй Лиянь, Линь Ай, Чжао Сяомэн. — EDN YRYQAO // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. — Москва, 2018. — Т. 1, ч. 1. — С. 462–465.
63. Ли Цян. Геополитическая стратегия современной культурной политики Китая: результаты и перспективы / Ли Цян. — EDN GELUYF // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. — 2024. — № 4. — С. 129–133.
64. Бакшеева Л.Г. Этнические проблемы Китая (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района) / Л.Г. Бакшеева, Т.В. Колпакова. — EDN NUHWZR // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Вост. центра. — 2011. — № 9. — С. 31–34.

References

1. Znamenskiy D.Yu. Theoretical-Methodological Foundations of the Research of State Policy. *Sot-siodinamika= Sociodynamics*, 2016, no. 3, pp. 86–97. (In Russian). EDN VOSPZV.

2. Znamenskiy D.Yu. Russian National Model of Public Policy: Structure and Special Features. *Upravlenie = Management*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 61–66. (In Russian). EDN: YWJMQF.
3. Savinov L.V. The Formula of the State National Policy. In *Instrumentarium*. Moscow, 2024. Iss. 7, pp. 18–19. (In Russian).
4. Savinov L.V., Skorykh N.N. National Policy and Ensuring Ethnic Security of the Russian Federation. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 7–15. (In Russian). EDN: CDEHUZ. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.7.
5. Savinov L.V., Simagina O.V., Skorykh N.N. Strategy of the State National Policy: Results and Prospects of Conceptualization. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian Nation*, 2023, no. 5, pp. 9–20. (In Russian). EDN: SDJWIW.
6. Savinov L.V. State Ethno-National Policy in Modern Russia: Conceptual Model and It's Realization. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian Nation*, 2020, no. 2, pp. 9–17. (In Russian). EDN: UEFLEF.
7. Savinov L.V. China's Ethnopolitics: Past and Present. In Popkov Yu.V. (ed.). *Ethnosocial Processes in Siberia. XII International Seminar, Kyzyl, June 20-24, 2014*. Kyzyl, 2015. Iss. 10, pp. 93–98. (In Russian). EDN: NKUXJF.
8. Tishkov V.A. Scientific Foundations and World Context of Nation-Building in Russia. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian Nation*, 2024, no. 1, pp. 9–22. (In Russian). EDN: EQDHCL.
9. Tishkov V.A. Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia. Moscow, Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2023. 69 p. EDN: EHVVYA. DOI: 10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69.
10. Tishkov V.A. Nation-States in a Historical and Global Context. In *Global Conflict and the Contours of a New World Order. XX International Likhachev Scientific Readings. Saint Petersburg*, June 09–10, 2022. Saint Petersburg, 2022, pp. 155–159. (In Russian). EDN: YYIRQU.
11. Tishkov V.A. Nation, Nationalism and Nation-Building. *Rossiia v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 42–62. (In Russian). EDN: XXCSNS.
12. Tishkov V.A., Stepanov V.V., Pivneva E.A. [et al]. *State National Policy of the Russian Federation*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2020. 288 p.
13. Seleznev P.S., Shalaev I.L. National Policy in a Multinational State: Balance of Interests or Hegemony of Powers that be? *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 79–85. (In Russian). EDN: RCUYGA. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-79-85.
14. Popkov Yu.V. Ethnosocial Processes in the Objective of Ethnosociology, National Politics and in Civilizational Dynamics. In *Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation. VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Kazan, June 26-29, 2024*. Kazan, 2024, pp. 165–167. (In Russian). EDN: CUKBWX.
15. Popkov Yu.V. Ethnosocial Processes in the Concept Sphere of the Novosibirsk Scientific Ethnosociological School. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, 2023, vol. 30, no. 2, pp. 14–23. (In Russian). EDN: JKOLGH. DOI: 10.15372/HSS20230202.
16. Popkov Yu.V. The Discourse of Identity in the Conceptual and Problematic Field of Modern Russian National Politics. In Popkov Yu.V., Tiugashev E.A. *Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Contemporary Sociocultural Transformations*. Novosibirsk, 2020, pp. 230–246. (In Russian). EDN: XXZSCG.
17. Popkov Yu.V. Contemporary Russian National Policy: Conceptual and Target Bases and Implementation Experience: the Case of Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy = New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 18. (In Russian). DOI: 10.25178/nit.2020.3.18. EDN: GWWPOT.
18. Popkov Yu.V. Cultural Diversity and Identity as Problematic Issues of State National Policy. In *13th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Collection of Materials, Kazan, July 02–06, 2019*. Kazan, 2019, pp. 303. (In Russian). EDN: YOOGZL.
19. Popkov Yu.V. Conceptual Issue State National Policy: a View from the Regions. In Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds). *Positive Experience in the Regulation of Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Kazan, September 6-7, 2018*. Kazan, 2018, pp. 22–27. (In Russian). EDN: VKIGUY.
20. Popkov Yu.V. National Politics in Russia: Targets and Regional Models. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 4, pp. 39–44. (In Russian). EDN: TRRQKP.
21. Abramova M.A., Kostiuk V.G., Madiukova S.A., Persidskaia O.A., Popkov Yu.V. *Regional Models of State National Policy in Modern Russia*. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016. Pt. 1. 176 p. EDN: IVMAFB.
22. Zorin, V.Yu. *National Policy of the Russian State in the XX – Early XXI Century*. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2022. 251 p.

23. Zorin V.Yu., Kamenskikh M.S. The Priorities and Megatrends of the New Decade in the Russian National Policy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow Region State University*, 2023, no. 2, pp. 3. (In Russian). EDN: VQWFCF. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1263.
24. Zorin V.Yu. State National Policy in the Context of the New Political Reality: Traditions and Innovations. In *Collection of Materials of the All-Russian Strategic Session on Strengthening the All-Russian Civic Identity, Moscow, April 18, 2023*. Moscow, 2023. Vol. 1, pp. 13–23. (In Russian). EDN: EGTSCX.
25. Zorin V.Yu. Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Intermediate Results and New Guidelines. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian Nation*, 2018, no. 1, pp. 13–30. (In Russian). EDN: YRHESX.
26. Volkov Yu.G., Denisova G.S., Lubsky A.V. Regulation of Inter-Ethnic Relations: the Formation of Value Policy and Regional Practices of Management in Modern Russia. *Vlast' = Power*, 2017, vol. 25, no. 7, pp. 13–22. (In Russian). EDN: ZBLRQT.
27. Lubsky A.V. The Projects of National Identity Construction in Modern Russia. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 48–64. (In Russian). EDN: YPOSDQ. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.1.3.
28. Denisova G.S., Bedrik A.V. Russian National Policy in the Focus of International Experience (According to the Results of Expert Approbation of the Study). *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*, 2017, vol. 6, no. 6, pp. 209–221. (In Russian). EDN: ZXWHYX. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.18.
29. Volkov Yu.G., Denisova G.S., Voytenko V.P. Ethnic Relations in China: Policy Values and Institutional Practices. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura = PCASC: Politics. Civics. Art. Sociology. Culture*, 2017, no 6, pp. 45–52. (In Russian). EDN: GVQVCH.
30. Vinogradov A.V. *China's Modernization Model. A Search for New Identity*. Moscow, Academic Educational Forum on International Relations Publ., 2008. 364 p. EDN: QPBWQJ.
31. Vinogradov A.V. Chapter 2. Russia and China: Development Models for Eurasia. In Torkunov A.V., Strel'tsov D.V., Koldunova E.V. (eds). *The "Asian Turn" in Russian Foreign Policy: Achievements, Problems, Prospects*. Moscow, 2022, pp. 21–46. (In Russian). EDN: GXUKMW.
32. Biryukov S.V., Shiker T.P. The Features and Experience of China's National Policy in the Context of its Political System's Characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 147–151. (In Russian). EDN: PWDCKI. DOI: 10.17223/15617793/456/17.
33. Belyaev D.S., Feduleeva D.A. The Positive Experience of the National Policy of the People's Republic of China at the Present Stage. *Naukosfera = Science Sphere*, 2024, no. 7-1, pp. 183–188. (In Russian). EDN: HITLQY. DOI: 10.5281/zenodo.12771525.
34. Lenin V.I. On the Right of Nations to Self-Determination. In *The Complete Works*. 5th ed. Moscow, 1969. Vol. 25, pp. 255–320. (In Russian).
35. Nasimova P.A. The Concept of National Policy and Its Main Directions. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta = Herald of the Pedagogical University*, 2014, no. 1-1, pp. 28–36. (In Russian). EDN: SABYKV.
36. Rodachin V.M. The Phenomenon of State Policy: the Essence and Types. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 46–53. (In Russian). EDN: UQKITL. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53.
37. Sevastyanov A.N. Dialectics of Social and National. To Raise the Question. *Voprosy natsionalizma = Issues of Nationalism*, 2010, no. 1, pp. 17–25. (In Russian). EDN: RWNGKV.
38. Kalabekov I.G. *The Russian Empire and Countries of the World*. Moscow, 2022. 170 p.
39. Gorenburg D.P. *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge University Press; 2003. 297 p.
40. Stalin I.V. The Policy of the Soviet Government on the National Question in Russia. In *The Essays*. Moscow, 1947. Vol. 4, pp. 351–363. (In Russian).
41. Biktanova A.Sh., Vildanov R.R. The Influence of Confucianism on the Formation of Chinese National Identity. *Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya = Russia and China: Problems of Strategic Cooperation*, 2024, no. 27, pp. 169–171. (In Russian). EDN: YTSDXL.
42. Iskhakov R.L. The Principle Minzu Zhuyi and Legitimation of National Statehood of China. In Smirnov S.V. (ed.). *China: History and Modernity. IX International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, October 22-23, 2015*. Ekaterinburg, 2016, pp. 262–279. (In Russian). EDN: WILFRV.
43. Jiang Chang. *Traditional Chinese Values and Their Modern Transformation*. Beijing, 2020. Vol. 1. 170 p.

44. Morozova N.V. Specificity of the "Nation-State" in the Development Model of China. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie = RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*, 2018, no. 2, pp. 105–115. (In Russian). EDN: VPEUJQ. EDN: VPEUJQ.
45. Fenby J. *Chiang Kai Shek: China's Generalissimo and the Nation He Lost*. New York, Carroll & Graf, 2005. 562 p.
46. Glinkin V.S. National Policy of the People's Republic of China and its Periodization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*, 2018, no. 51, p. 81–84. (In Russian). EDN: YULXRI. DOI: 10.17223/19988613/51/11.
47. Li Ji. *Seventy-Two Disciples of Confucius and Their Followers. Rituals*. Beijing, Chzhunkhua Publ., 2007. 1269 p.
48. Belov V.A. Ideology and Social Challenges of the Modern National Policy. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie = RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies*, 2010, no. 3, pp. 82–93. (In Russian). EDN: MOTTOV.
49. Nazukina M.V. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 3, pp. 78–92. (In Russian). EDN: FXIPLH. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.06.
50. Mnatzakanyan M.O. Nationalism: Ideal Type and Forms of Manifestations. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2007, no. 6, pp. 24–35. (In Russian). EDN: JUIWAF.
51. Moskaev A.A. *The Theoretical Basis of China's National Policy (1949–1999)*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001. 224 p.
52. Kuznetsov D.V. (ed.). *Constitutional Acts of China. The Textbook*. Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2014. 190 p.
53. Stavrov I.V. Manchu's in PRC: Juridical, Socio-Economic and Cultural Aspects of Development. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2014, vol. 44, no. 2, pp. 165–178. (In Russian). EDN: YNWIPV.
54. Lan Yu. The Chinese Dream as an Ideological Concept in the New Era of the PRC. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2022, no. 4, pp. 43–47. (In Russian). EDN: ZPDRWD. DOI: 10.24158/pep.2022.4.6.
55. De Bary Wm.Th., Lufrano R. (eds). *Sources of Chinese Tradition*. New York, Columbia University Press, 1999. Vol. 2. 656 p.
56. Avakyan S.A. National and Territorial Components in the Federal Organization of the State. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 6, pp. 13–22. (In Russian). EDN: CJVEFB. DOI: 10.31857/S102694520020390-0.
57. Urun S.A. Implementation of the Tasks of the State National Policy of the Russian Federation for the Protection and Support of Native Languages at the Institute of the Peoples of the North of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. In *Russia in New Dimensions: Unity and Diversity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, October 30, 2023*. Moscow, 2024, pp. 201–214. (In Russian). EDN: IJPGOT.
58. Busalova S.G., Makeykin S.M., Pankova R.I. State Ethnic and National Policy: Main Points and Options of Funding. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*, 2014, no. 3, pp. 114–118. (In Russian). EDN: THJVT.
59. Kudashkina S.V., Semenova E.M. How and Why to Reserve the Ethnic Languages of Russia. In *Languages, Cultures, and Ethnic Groups. Formation of the Linguistic Worldview: Philological and Methodological Aspects. Materials of the 15th International Scientific and Practical Conference, Yoshkar-Ola, October 12. 2023*. Yoshkar-Ola, 2024, pp. 236–241. (In Russian). EDN: NHTKYQ.
60. Xiangyan Li. The Problem of National Minorities' Self-Determination in the Theory and Politics of the Communist Party of China (from 1922 to the Present). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd STATE University. History. Area Studies. International Relations*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 124–130. (In Russian). EDN: UWTKBC. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.11.
61. Stavrov I.V. Legislative Implementation of Ethnopolitics and Regional Ethnic Autonomy in the PRC. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2022, vol. 38, pp. 108–124. (In Russian). EDN: GUGLAX. DOI: 10.24412/2658-5960-2022-38-108-124.
62. Wei Lian, Lin Ai, Zhao Xiaomeng. Channels for Reserving Personnel to Create a Pool of Talent from Countries Adjacent to the "One Belt, One Road" Zone. In *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Moscow, 2018. Vol. 1, iss. 1, pp. 462–465. (In Russian). EDN: YRYQAO.

63. Li Q. The Geopolitical Strategy of China's Modern Cultural Policy: Results and Prospects. *Vestsi BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ehkanomika. Kul'turalogiya = BSPU Bulletin. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economy. Cultural Studies*, 2024, no. 4, pp. 129–133. (In Russian). EDN: GELUYF.

64. Baksheeva L.G., Kolpakova T.V. Ethnic Problems of China (in the Case of Xinjiang). *Rossiia i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya = Russia and China: Problems of Strategic Cooperation*, 2011, no. 9, pp. 31–34. (In Russian). EDN: NUHWZR.

Информация об авторах

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, KuryshovAM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2404-4537>, SPIN-код: 6335-8493, AuthorID РИНЦ: 362477.

Курышова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация, kiw09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1979-1247>, SPIN-код: 5844-7619, AuthorID РИНЦ: 362482.

作者信息

Andrei M. Kuryshov — 历史学副博士, 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, KuryshovAM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2404-4537>, SPIN-Code: 6335-8493, AuthorID RSCI: 362477.

Irina V. Kuryshova — 历史学副博士, 副教授, 法学理论、宪法与行政法教研室主任, 伊尔库茨克国立理工大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, kiw09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1979-1247>, SPIN-Code: 5844-7619, AuthorID RSCI: 362482.

Authors

Andrei M. Kuryshov — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, KuryshovAM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2404-4537>, SPIN-Code: 6335-8493, AuthorID RSCI: 362477.

Irina V. Kuryshova — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, kiw09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1979-1247>, SPIN-Code: 5844-7619, AuthorID RSCI: 362482.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Курышов А.М. Модели национальной политики России и Китая: сравнительная характеристика / А.М. Курышов, И.В. Курышова. — DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).205-231. — EDN LVRFBE // Российско-китайские исследования. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 205–231.

For Citation

Kuryshov A.M., Kuryshova I.V. The Models of National Policy in Russia and China: Comparative Characteristics. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 205–231. (In Russian). EDN: LVRFBE. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(2).205-231.